

Цзи Лючэнь с холодноватым — и как бы слегка подозрительным — взглядом обвёл глазами Шэнь Фаши и Цзи Саньмэя. Ему стало неловко, и он не решился сказать своему брату, что когда-то, в приступе безумия, дал обет: если старший брат вернётся, он больше не будет вмешиваться в его отношения с этим Шэнь. Пусть брат хоть с ума сходит вместе со своим Шэнь-сюном — Цзи Лючэнь примет всё.

Под безмолвным взглядом Цзи Саньмэя Цзи Лючэнь, скрепя сердце, выдавил: «Саньмэй, ешь побольше этого. Надо укрепляться.»

Нынешний брат был ещё ребёнком, его нужно подкармливать с малых лет — чтобы подготовиться к недалёкому будущему во всеоружии.

Цзи Саньмэй смотрел на тарелку, где нагло торчали вверх, «цветочками» к солнцу, куриные попки. Настроение у него было сложное.

Его младший брат, проведя столько лет с Вэй Юанем, наконец-то успешно заразился от него идиотизмом.

Пережив смущающий обед из куриных задниц, компания двинулась напрямик в город Чжуинь.

К утру следующего дня Чжуинь был уже близко. К тому времени Цзи Саньмэй уже выспался на руках у Цзи Лючэня, проснулся на рассвете и сам попросил сменить «поле битвы» — перебраться в объятия Шэнь Фаши, чтобы поспать ещё часик.

Он чувствовал себя словно гуляка, который за одну ночь перепробовал двух главных красавиц всего Чжуиня, да ещё и с возможностью сменить партнёршу. Ощущения были более чем приятные.

Город Чжуинь, с его долгой историей, был пропитан древним, будто бы выкованным из старой позолоты и глины, ароматом. Этот успокаивающий запах жёлтой земли окончательно разбудил Цзи Саньмэя. Он шмыгнул носом — ему почудился в воздухе сладковатый запах, словно от растаявших леденцов.

Цзи Саньмэй посмотрел, куда идёт их группа: «Учитель, ты не домой?»

Все присутствующие, кроме Чанъаня, знали, кто такой Цзи Саньмэй, поэтому он не стал притворяться незнакомцем с Чжуинем.

Шэнь Фаши ответил: «Сначала к тебе.»

Цзи Саньмэй обхватил Шэнь Фаши за шею, удобно устроившись у него на руках, и с сожалением подумал: Шэнь Фаши слишком уж честен — даже сейчас не потрогает его за задницу. Даже дармовую возможность не использует, просто возмутительно.

Компания прошла мимо входа в «Ветер над рекой».

Мамаша, зазывавшая гостей у входа, была всё той же, но сильно постарела. Усталость на лице она скрывала лишь густым слоем пудры и яркой-яркой помадой.

Знакомые цветочницы тоже постарели, а Цзи Саньмэй всё ещё пытался дорости. Подумать только — какая печаль.

С самого вчерашнего воссоединения Ван Чуаньдэн был необычно тих. Он смотрел на лавки

вдоль улицы, пересчитывая их одну за другой, с редким спокойствием и мягкостью в лице, словно заранее заучивая вывески новых заведений.

Не прошло и получаса с их входа в город, как Цзи Саньмэй снова наклонился к Шэнь Фаши и прошептал ему на ухо: «За нами следят.»

Шэнь Фаши, не оборачиваясь, ответил: «За Чанъанем.»

Тот был молодцем в тёмно-синем наряде. Заметив, что Цзи Саньмэй его разглядывает, парень и вовсе перестал скрываться, подошёл ближе и хлопнул Чанъаня по плечу: «Цзи Саньмэй?»

Чанъань обернулся и вежливо спросил: «Вы — кто?»

Молодого человека словно громом поразило: «Цзи-цзи-цзи-цзи Саньмэй?! Ты не умер?!»

Чанъань спокойно ответил: «Меня зовут Чанъань. В моём имени два иероглифа, а не шесть.»

Незнакомец схватил Чанъаня за воротник, намереваясь рассмотреть его вблизи, как вдруг в воздухе сверкнул огненный клинок и рубанул прямо по его запястью.

Тот в ужасе дёрнул руку назад. Огненная вспышка прошла в миллиметре от его пальцев, оставив в воздухе искажённый, дымящийся след.

Цзи Саньмэй вздохнул с облегчением: хорошо, что тот успел отпустить, а то бы пришлось впредь дробить ногами.

Ван Чуаньдэн, держа в руке огненную косу, извинился без тени искренности: «Рука дрогнула. Извини.»

Дин Шию, не успев разозлиться, узнал стоящего перед ним человека и вытаращил глаза, будто медные тарелки: «Чуань... Ван Чуаньдэн?»

Хоть Чанъань и не был его родным братом, Цзи Лючэню стало неприятно смотреть, как с ним обращаются. Он встал перед Чанъанем: «Дин Шию, это мой друг. Руки прочь.»

Цзи Саньмэй насторожился.

Так это тот самый сплетник, что распускал слухи о нём с Шэнь Фаши?

Он внимательно оглядел Дин Шию с ног до головы и почувствовал: с ним что-то не так. Что именно — пока сказать не мог.

Дин Шию, уставившись на лицо Чанъаня, выражал явный испуг. Ведь лицо Цзи Саньмэя, когда-то потрясшее весь Чжуинь, забыть было невозможно.

Он ткнул пальцем в сторону Чанъаня: «Нет, он... его лицо...»

Ван Чуаньдэн нахмурился. Правой рукой он сделал лёгкое движение, и огненная коса исчезла. Затем он протянул руку и схватил Дин Шию за рот, сжав так, что щёки ввалились внутрь.

Он усмехнулся: «...На кого это ты пальцем показываешь?»

Дин Шию начал отчаянно дёргаться. Семифутового мужчину Ван Чуаньдэн поднял на воздух, словно цыплёнка, — кому такое понравится?

Окружающие торговцы с удивлением глазели на них. Цзи Саньмэю стало не по себе.

...Это странное ощущение становилось всё сильнее.

— Чуаньдэн, — повернулся Шэнь Фаши, прикрывая голову Цзи Саньмэя своим плечом. — Отпусти.

Ван Чуаньдэн послушно разжал пальцы, но нахмурился, глядя на свою ладонь.

Пальцы его были в зловонной слизи, а на сгибе между большим и указательным пальцем остался грязный сероватый след слюны.

...Вся его рука была пропитана смертной энергией.

Дин Шию продолжал бормотать: «Как так? Цзи Саньмэй ведь умер... три года назад...»

Шэнь Фаши слегка качнул монашеский посох. Звон колокольчика прозвенел чисто и звонко — и голос Дин Шию застрял в горле. Сам он оказался намертво прикован к месту, не в силах пошевелиться.

Он с хрустом повернул шею и уставился на Шэнь Фаши. Его зрачки стали серого цвета.

Ван Чуаньдэн отступил на шаг.

Когда Дин Шию повернулся, он ясно увидел: задняя часть его черепа была вдавлена, и голова сбоку напоминала огромный дуршлаг.

И Цзи Саньмэй наконец понял, что же было не так.

— У Дин Шию не было языка. Его вырвали с корнем, и во рту осталась пустота.

Но он всё равно умудрился душой прицепиться к ним, чтобы посплетничать. Видимо, страсть к пересудам у него в костях сидела.

Вэй Юань, шедший впереди, обернулся и увидел, что остальные отстали. Подождав немного, он вернулся и увидел Дин Шию в центре толпы, с синеватым лицом. Он ужаснулся: «Что происходит?»

Шэнь Фаши проигнорировал его и сказал Цзи Саньмэю: «Держись крепче.»

Цзи Саньмэй мгновенно обхватил Шэнь Фаши ногами за талию и руками за шею. Шэнь Фаши высвободил одну руку и быстро сложил печать. Его длинные пальцы скользнули по воздуху, высекая золотые искры. Цзи Саньмэй загорелся, глядя на это, — так и хотелось облизать эту руку от кончиков пальцев до ладони.

Как только печать была завершена, Дин Шию, застывший на месте из-за звона колокольчика, затрясся и в мгновение ока рассыпался. Душа, любившая сплетни, исчезла. Цзи Саньмэй с сожалением подумал: опоздал — мог бы выудить из него какие-нибудь пикантные подробности о своих прошлых отношениях с Шэнь Фаши.

Он спрыгнул с Шэнь Фаши и направился к небольшой лавчонке с сушёными грушами — специалитетом Сунчжоу. Хозяйка с самого начала наблюдала за ними украдкой, а теперь смотрела на них, как на сумасшедших.

По её взгляду Цзи Саньмэй сразу понял: она не видела того самого «Дин Шию».

Поэтому он не стал задавать лишних вопросов, а лишь вежливо поклонился и заговорил на сунчжоуском диалекте, мягко и заискивающе: «Тётушка, я племянник господина Дин Дина из семьи Дин в Чжуине. Приехал к нему. Не подскажете, где дом семьи Дин?»

Женщина, услышав его говор, поняла, что он земляк. Увидев, что Цзи Саньмэй красивей обычного ребёнка, она прониклась симпатией и охотно ответила: «Иди, милоч, по этой улице прямо, вдоль погребальных флагов, и найдёшь.»

Цзи Саньмэй: «Погребальных флагов?»

Женщина: «Сынок семьи Дин, твой двоюродный брат, три дня назад с лошади грохнулся и помер. Эх, парень-то молодой, а взял да и погиб, сердешный...»

Цзи Саньмэй вовремя изобразил шок, удовлетворив жалостливость тётушки. Выслушав её утешения, он развернулся — и с лица его мгновенно исчезли все следы печали, горя и замешательства.

Он вернулся к остальным: «Дин Шию умер три дня назад.»

<http://bllate.org/book/16281/1466333>